

Нет автора

**Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете**

1882. Книга 2

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете: 1882. Книга 2 / Нет автора – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 617 с.

ISBN 978-5-4241-7804-7

ISBN 978-5-4241-7804-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

REPORT

2000

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

Р ъ Ч И

ГОВОРЕННЫЯ ВЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

4-ГО МАЯ ТЕКУЩАГО 1882 Г.

ПОСВЯЩЕННОМЪ НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ БЫВШАГО ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ГРАФА
СЕРГІЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТРОГАНОВА.

1. Рѣчь Предсѣдателя И. Е. Забѣлина.

М. гг.

Переживаемъ трудное, тяжелое, печальное время.... Одного за другимъ мы хоронимъ нашихъ славныхъ богатырей.... богатырей—воздѣльвателей науки, каковъ былъ покойный предсѣдатель Сергій Михайловичъ Соловьевъ; богатырей—строителей прямого и добраго пути къ успѣхамъ науки, которымъ былъ нашъ старѣйшій богатырь, предсѣдатель графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, свѣтло и мирно почившій на самый канунъ Свѣтлаго дня....

М. гг. Я позволяю себѣ это гиперболическое сближеніе, убѣжденный, что въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ оно понятнѣе изображаетъ мысль, какую всѣ мы обдумываемъ, произнося эти славныя имена нашихъ дѣятелей....

М. гг. Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что графъ Сергій Григорьевичъ былъ всегда нашъ неизмѣнный Предсѣдатель, хотя формально онъ и сложилъ съ себя это званіе по случаю болѣзни и отъезда за границу въ 1874 году. Онъ оставилъ званіе, но неизмѣнно

хранилъ самое дѣяніе предсѣдателя, неуклонно, съ горячимъ сочувствіемъ и издали наблюдая за нашею дѣятельностію; въ важныхъ случаяхъ помогая ей всѣми мѣрами и постоянно указывая намъ на наше славное знамя, нѣтъ же и водруженное, на образцовое изданіе нашихъ «Чтеній» при покойномъ секретарѣ Осипѣ Максимовичѣ Бодянскомъ.

Когда въ 1878 г. ему былъ доставленъ проектъ новаго устава, онъ письмомъ въ Общество отъ 8 февраля опредѣлилъ самую сущность предполагаемой реформы, выразивъ только одну мысль: сердечное пожеланіе, чтобы дѣятельность Общества въ будущемъ была не менѣе полезна, какъ при покойномъ О. М. Бодянскомъ.

М. гг. Отъ 18 марта 1804 года, когда состоялось первое засѣданіе нашего Общества, и съ котораго дня по справедливости мы должны начинать нашу Исторію, прошло 78 лѣтъ. Изъ этого числа, въ продолженіи 30 лѣтъ графъ Сергій Григорьевичъ занималъ мѣсто Предсѣдателя. Стало-быть едва не половина прожитаго Обществомъ времени принадлежитъ его предсѣдательству. А это время въ Исторіи Общества и составляетъ самый цвѣтушій и достославный періодъ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ пользуется высокою честью именоваться *Императорскимъ*. Этотъ титулъ ему пожалованъ по ходатайству графа Сергія Григорьевича, на другой же годъ по вступленіи его въ званіе Предсѣдателя (29 апрѣля 1837 г.). Тогда же и по его же ходатайству Общество стало получать постоянное пособіе отъ Правительства на продолженіе своихъ изданій, которое въ послѣдствіи также при помощи его ходатайства было удвоено.

Это были первыя и должно сказать самыя фундаментальныя дѣла его предсѣдательства по устройству занятій Общества. Затѣмъ, по минованіи десяти лѣтъ, послѣдовало славное устройство ученыхъ работъ въ предпринятомъ въ 1846 г. изданіи «Чтеній».

Всѣ мы очень хорошо знаемъ, какъ начался эти работы и какими мыслями всегда воодушевлялось ихъ исполненіе. Объ этомъ я имѣлъ случай вспоминать, когда мы всѣ вспоминали о достославной дѣятельности покойнаго С. М. Соловьева.

Какъ Предсѣдатель, графъ Сергій Григорьевичъ имѣлъ великое нравственное вліяніе на устройство и постановку всего этого дѣла въ томъ правилѣ и въ томъ характерѣ, какъ оно на первыхъ же по-

рахъ было водворено и затѣмъ проходило десятки лѣтъ.... можемъ сказать: проходить и до нынѣ.

Но въ чемъ же обозначалось это плодотворное вліяніе? Гдѣ явственнѣе и осязательнѣе всего можно было его почувствовать?

М. г. Всѣ мы чувствовали это вліяніе въ глубокомъ почтеніи и уваженіи къ наукѣ, въ неизмѣнномъ стремленіи ставить ея интересы выше, преимущественнѣе предъ всѣми другими. Вотъ въ чемъ ярче всего обозначался характеръ дѣятельности покойнаго графа Сергія Григорьевича. Вотъ по какой причинѣ всѣ литературныя и ученые партіи самыхъ разнородныхъ направленій и приходоу почитали въ графѣ Сергіѣ Григорьевичѣ своего союзника. Въ немъ находилось нѣчто общее для всѣхъ дѣятелей, разномыслящихъ и разновѣрующихъ, хотя по складу своего воспитанія и образованія, по складу своихъ убѣжденій онъ всегда пребывалъ кореннымъ западникомъ. Это общее для всѣхъ разномыслящихъ и разновѣрующихъ, которымъ такъ привѣтливо для всѣхъ освѣщался характеръ покойнаго графа, представляло ту высоту научныхъ интересовъ, гдѣ уже не чувствовался кромѣшній міръ партійныхъ счетовъ, споровъ, пререканій, гдѣ всѣхъ окружаетъ, можно такъ выразиться, свѣтлая и чистая атмосфера знанія въ самомъ себѣ, безъ всякаго отношенія къ личнымъ вкусамъ и предубѣжденіямъ.

Графъ Сергіѣ Григорьевичъ въ своихъ убѣжденіяхъ неизмѣнно стоялъ у этой высоты и множествомъ своихъ поступковъ, въ дѣлахъ и дѣйствіяхъ на пользу науки, вполне оправдывалъ такое свое верховное положеніе.

Однако, м. г., эти выраженія: глубокое уваженіе къ наукѣ, неизмѣнное стремленіе поддерживать ея интересы и т. д., всѣ эти выраженія, которыми мы опредѣляемъ характеръ дѣяній почившаго графа Сергія Григорьевича, по правдѣ сказать, въ теперешнемъ обществѣ вѣдь это одни только—праздныя слова, прилагаемыя заурядъ и къ обозначенію дѣятельности такихъ лицъ, которыя въ пониманіи интересовъ науки стоятъ не выше Грибоѣдовскаго Фамусова. Теперь всѣ уважаютъ науку, всѣ стараются впередъ выставить ея знамя... но много ли лицъ, сколько лицъ мы можемъ помянуть и поставить возлѣ съ графомъ Сергіемъ Григорьевичемъ Строгановымъ?

Что значитъ уважать науку? Въ какихъ дѣлахъ и дѣяніяхъ проявляется уваженіе къ наукѣ? Многие даютъ средства для научныхъ изданій. Это очень важное и доброе, плодотворное дѣло на пользу науки и просвѣщенія, но не главное, чѣмъ живетъ и движется на-

уда. Были бы самыя орудія науки—ученыя люди, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей и издательскія средства рано или поздно всегда приходятъ на помощь ученой работѣ.

По мыслямъ графа Сергія Григорьевича уважать науку значило прежде всего крѣпко беречь, поддерживать и всячески охранять ученыхъ людей, охранять между прочимъ, отъ тѣхъ именно антинаучныхъ напастей и невзгодъ, какими не рѣдко бываютъ одоляемы по преимуществу люди науки. И какую проницательностію обладалъ покойный графъ Сергій Григорьевичъ въ изысканіи и открытіи ученыхъ людей. Онъ послѣ немногихъ встрѣчъ сразу узнавалъ въ человѣкѣ истинное ученое существо, то есть истинную, сердечную, беззавѣтную преданность цѣлямъ науки. И открывши, узнавши истиннаго труженика науки, онъ уже вѣрилъ ему, какъ самому себѣ, и никогда не покидалъ его изъ вида. Всѣми зависящими отъ него способами и средствами онъ старался поддержать и сберечь пріобрѣтенное орудіе науки. Онъ очень хорошо зналъ цѣну этому орудію. Онъ зналъ, что человѣкъ, воспитавшій себя для науки, беззавѣтно отдавшій себя наукѣ, есть вообще явленіе рѣдкое и въ особенности необычайно рѣдкое у насъ, въ нашей пространной и для науки очень пустынной равнинѣ. Онъ хорошо понималъ, что истиннаго труженика науки невозможно такъ скоро найти, и такъ легко замѣнить первымъ встрѣчнымъ, какъ объ этомъ думаетъ большинство неопытныхъ доброжелателей науки; онъ хорошо понималъ, что такой труженикъ самъ по себѣ есть дорогое сокровище, и общественное, и народное, которое сохранять заповѣдуетъ уже простой здравый смыслъ.

Въ этихъ убѣжденіяхъ покойный графъ Сергій Григорьевичъ располагалъ и всѣ свои отношенія къ ученымъ людямъ. Я не буду поминать разнообразныя случаи такихъ приснопамятныхъ отношеній и скажу только, что лучшимъ и яркимъ свидѣтельствомъ высокаго уваженія къ наукѣ, именно въ лицѣ ученыхъ людей, навсегда останутся долготѣнія отношенія покойнаго графа Сергія Григорьевича къ покойному секретарю Общества О. М. Бодянскому. Если въ то время Общество и предсѣдатель были особенно счастливы избраніемъ въ Секретари такого сильнаго дѣятеля, то намъ необходимо помнить, что и обширная, плодотворная дѣятельность О. М. Бодянского, во всемъ ея объемѣ, была возможна только при неизмѣнной и постоянной поддержкѣ и при постоянномъ горячемъ содѣйствіи графа Сергія Григорьевича, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ чувствовались прямыя и непосредственныя интересы науки.

2. РѢЧЬ секретаря Е. В. Варсова.

Послѣ сильнаго и выразительнаго слова г. председателя, м. гг. нѣтъ надобности еще и еще говорить о значеніи вообще графа Строганова въ исторіи русской науки. Какъ свѣтило въ осеннюю ночь, свѣтитъ онъ среди исторической мглы, въ которой ощупью, какъ убогая странница, движется по-немногу впередъ бѣдная русская наука. Чѣмъ больше стынетъ она отъ общественнаго холода, чѣмъ меньше слышитъ она теплаго привѣта и соучастія, тѣмъ ярче и ярче выступаетъ предъ нами нравственный образъ въ бозѣ почившаго нашего председателя. Напряженіе умственныхъ силъ всего болѣе нуждается въ поддержкѣ и въ покровительствѣ и чѣмъ святѣе идея, которой онъ посвящаются, чѣмъ глубже значеніе ея въ жизни народовъ и чѣмъ больше служеніе ей связано съ самоотверженіемъ и подвигомъ, тѣмъ наиболѣе любящаго ухода заслуживаютъ эти нравственные силы. И цвѣты вянутъ отъ холода, и дубы валятся отъ вихрей!

Не распространяясь о покойномъ графѣ, какъ покровителѣ науки, мы позволяемъ себѣ, м. гг., привести на память лишь нѣсколько отдѣльных фактовъ изъ внутреннихъ отношеній его къ нашему Обществу: изъ нихъ всего нагляднѣе и осязательнѣе выступаетъ предъ нами его нравственный образъ и глубокое значеніе его въ исторіи нашего историческаго Общества.

Изъ дѣлъ Общества не видно, чтобы до председательства графа Строганова, оно носило названіе Императорскаго. Но до насъ дошло одно письмо Снегирева, бывшаго секретаря Общества (1826—1833 гг.) на имя председателя Малиновскаго, изъ котораго видно, что ему присвоенъ былъ этотъ титулъ почти при самомъ его основаніи. Вотъ это письмо: «имѣю честь доложить вамъ, что Общество испытателей природы съ 1829 года получаетъ 5,000 рублей на свое содержаніе и печатаніе Трудовъ и записокъ, ежегодно по Высочайшему повелѣнію. Изъ § 11 устава университета, вы изволите увидѣть возможность печатать Труды Историческаго Общества на счетъ университета. По разсмотрѣніи, уставъ прошу покорнѣйше мнѣ возвратить. Общество наше было бы счастливо подъ председательствомъ вашего превосходительства, еслибы успѣло возвратить *утраченный (1807?) оный титулъ Императорскаго* и вмѣстѣ съ тѣмъ снискать милость Государя, любителя отечественной старины». Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какъ и почему оно утратило этотъ титулъ. Случилось это, судя по этому письму въ 1807 году.

Лишь со вступленіемъ въ предсѣдателя (1836 г.) покойнаго графа Строганова, вновь присвоено было нашему Обществу наименованіе Императорскаго съ пособіемъ на изданіе ученыхъ трудовъ его по пяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегодно изъ государственнаго казначейства.

Какъ велика эта заслуга графа, видно изъ того, что сдѣлано Обществомъ въ теченія почти 80-ти лѣтняго своего существованія. Общество наше, отъ дня своего рожденія всегда было сильно своей *идеей*, положенной въ основаніе его Шлецеромъ. Уже Исторія Государства Россійскаго, по собственнымъ словамъ Карамзина, внутренне была связана съ дѣятельностію нашего Общества. Многіе историческіе труды прежнихъ его членовъ удостоивались Высочайшихъ рескриптовъ. Но самая плодотворнѣйшая дѣятельность его вызвана была тѣмъ правительственнымъ вспоможеніемъ, которое было исходатайствовано ему графомъ Строгановымъ. Не распространяясь объ этой дѣятельности, мы припомнимъ только, какъ смотрѣли на нее такіе историки, какъ М. П. Погодинъ и С. М. Соловьевъ: вступая одинъ за другимъ въ должность нашихъ президентовъ, они торжественно заявляли предъ нами, что вмѣняютъ себѣ «за величайшую честь быть предсѣдателями того Общества, съ трудами котораго связано развитіе всей русской исторической науки за текущее столѣтіе. Не слова это одни, за ними стоитъ свидѣтель—самое дѣло».

Строгановъ былъ предсѣдателемъ съ 1837 по 1849 г. кромѣ О. М. Бодянскаго, еще при двухъ секретаряхъ, М. П. Погодинъ и отчасти И. Д. Бѣляевъ; но съ 1857 года внутреннее отношеніе его къ Обществу скрѣплялось личностію О. М. Бодянскаго. Строгановъ, можно сказать, самъ воспиталъ секретаря и затѣмъ постоянно поддерживалъ его, насколько было возможно, въ теченіи всей его жизни.

Когда Бодянскій былъ за границей и готовился къ кафедрѣ славянскихъ нарѣчій, графъ велъ оживленную съ нимъ переписку и руководилъ его въ его ученыхъ занятіяхъ. Такъ, въ 1839 году Бодянскій, отъ 1 февраля, просилъ у Попечителя дозволенія пробыть за границей еще одинъ годъ для посѣщенія тѣхъ изъ Славянскихъ земель, которыхъ онъ не успѣлъ еще осмотрѣть. Графъ Строгановъ отвѣчалъ ему, что для предмета ученыхъ занятій его, достаточно знакомства и съ тѣми уже Славянскими землями, которыя онъ посѣтилъ до настоящаго времени, и что онъ исходатайствовалъ ему отсрочку на 6 мѣсяцевъ съ тою цѣлю, чтобы онъ могъ посѣтить земли Германскія Пруссію и Италію и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился выдать ему еще

1,000 руб. изъ суммъ Университета сверхъ производившагося ему содержания. Что же касается до поѣздки въ Парижъ, то онъ считалъ это излишнимъ, ибо она не представила бы важныхъ результатовъ по предмету его занятій.

Графъ слѣдилъ за его заграничными занятіями и требовалъ отъ него частыхъ писемъ. «Принимая, какъ вамъ уже довольно извѣстно, самое живое участіе въ трудахъ вашихъ, писалъ онъ ему изъ Неаполя отъ 9 февраля 1840 года, я покорнѣйше прошу сообщать мнѣ, гдѣ вы находитесь, какъ здоровье ваше и что вы намѣрены предпринять нынѣшняго года; исполните прежнее желаніе мое видѣть васъ въ Италиі; я увѣренъ, что и для здоровья и для эстетическаго образованія вашего, это должно быть полезно».

Прибывъ въ Италию, Бодянской видимо увлекся ею; ему захотѣлось пожить здѣсь больше, чѣмъ желалось графу. Отъ 10-го апрѣля графъ написалъ ему слѣдующія замѣчательныя строки: «имѣя въ виду одну пользу вашу, я рѣшился предложить вамъ короткое пребываніе въ Италиі; ежели здоровье и занятія ваши требуютъ другаго, съ моей стороны не можетъ быть никакихъ препятствій къ исполненію желаній вашихъ. Итакъ оставайтесь и оканчивайте столь успѣшно начатое. Письмо ваше, милостивый государь, прочелъ я съ особеннымъ удовольствіемъ; остается мнѣ только совѣтовать вамъ избѣгать малѣйшіе случаи, отъ которыхъ литературныя занятія ваши и славянизмъ могли бы принять ложную тѣнь политическаго вліянія. Осторожность и самый здравый смыслъ требуютъ этихъ уваженій; убѣдительно также прошу васъ не забывать, что ожидающія васъ въ университетѣ занятія, требуютъ не односторонняго образованія и что при чтеніи о славянской литературѣ и о языкѣ извѣстнѣйшихъ писателей, надобно будетъ вамъ обращать вниманіе на исторію ихъ, а въ этомъ отношеніи удовлетворять требованіямъ историческихъ наукъ при ихъ настоящемъ развитіи».

Бодянской за границей сдѣлался боленъ и графъ принималъ живое участіе въ его положеніи. «Съ прискорбіемъ вижу неудачу вашего леченія», писалъ онъ ему изъ Дрездена отъ 19 августа 1840 г. «Желаю отъ души, чтобы довѣріе, которое вы имѣете къ доктору Вейсу, не измѣнило вамъ; но позволяю себѣ только одно замѣчаніе, что, по моему убѣжденію, для насъ Русскихъ, жителей сѣвера, *охлажденіе холодной водой* врядъ ли когда-либо докажетъ на опытѣ послѣдствія цѣлительныя. Опасайтесь совѣтовъ мѣстныхъ врачей: «всякій взензъ зоветъ только въ приходъ свой». вмѣстѣ съ симъ онъ